Александр Николаевич Островский

2023 год. Апрель. В России – Год А.Н. Островского. Год театральных премьер, новых прочтений «Леса» и «Снегурочки», «Грозы и Бесприданницы»… Бродишь по центру нашего города как по сцене среди декораций. Читаешь афиши, плакаты. И вот на одном: «Кострома – малая родина Островского». Постойте! Малая родина – это место, где человек родился. Но ведь Островский – москвич! Он и в историю литературы вошёл как «Колумб Замоскворечья». Как же так?

Нахожу книги о жизни Островского. Да, родился он в Москве. Но вот странность: во всех биографических книгах о детстве драматурга почти ничего нет. Автор одной из них Владимир Лакшин написал: «Островского-драматурга так часто бранили в современной печати 70-80 годов, что современники с опозданием догадались, что он - классик… Физиономия Островского плохо уловима из мемуаров, черты его расплываются». Такое впечатление, что Островский прямо родился немолодым полноватым и лысоватым господином в бухарском халате. И жизнь этого господина была на редкость ровной: не воевал, не дрался на дуэли, не заточался в острог, не отбывал ссылку.

Но ведь был же он молодым! Кто-то даже вспомнил, что он был стройным белокурым юношей, хорошо пел. А что было до этого?

А до этого в 1823 году у Николая Фёдоровича Островского, воспитанника духовной академии, пробившегося в чиновники, и его жены, Любови Ивановны, умерло уже двое детей. Молодая женщина ждала третьего ребёнка и очень волновалась. Она написала своему брату-священнику, отцу Михаилу, что у неё дети не живут, он отвечал ей, чтобы она, если родится третий сын, назвала его Александром и что Александр должен жить.

Прав оказался отец Михаил. Мальчик, получивший при крещении имя Александр, что значит «защитник жизни», оказался крепче своих братьев. Он не только выжил, но и прославился как писатель. И не мудрено, ведь имя Александр в истории русской литературы весьма примечательное: Александр Пушкин, Грибоедов, Герцен и так далее.

Островский никогда не вспоминал детство. Ни в одной из его пьес нет персонажей-детей. Что мы знаем? Только то, что прошло его детство в пёстром, цветном, диком, причудливом Замоскворечье. Одни названия замоскворецких улиц и переулков чего стоят: Болото, Якиманка, Большая Полянка, Ордынка, Болванка. Так получилось, что этот район Москвы был удалён от старой, коренной Москвы, никакие перемены десятилетиями не касались этого места, и постепенно Замоскворечье сделалось особым миром со своей особой жизнью. Эта особая жизнь с её нравами, чудачествами и предрассудками окружала маленького Сашу с рождения. Впечатления детства сделают Островского бытописателем Замоскворечья, Колумбом этого места. Но это будет потом. А детство-то что? НИЧЕГО.

Почему? Да, конечно, детство Островского скорее всего не было безмятежно-счастливым. Отец его целиком был занят своей карьерой и денежными делами. И очень успешно! Николай Фёдорович копил деньги, пускал их в дело, построил дом, продал его, купил два и т.п. А мать едва успевала оправиться от рождения одного ребёнка, как появлялся на свет следующий: после Саши у неё родились шесть девочек и два мальчика. Выжили трое. Среди них - Наташа, на два года младше, ставшая любимой сестрой. Понятно, что родительской ласки Саша видел немного. Из всего, что случилось с ним в те годы, он вспоминает лишь то, что пристрастился в детстве к рукоделию. Товарищей-мальчишек было у него мало, время он проводил с Наташей и её подружками, вот и выучился кроить и шить. Случайные учителя, как было принято, выучили его началам грамоты. Оставаясь один, Саша сызмала брался за книжку. Няньки и мамки смотрели на это косо: в Замоскворечье боялись зачитаться. Но отцу это нравилось. Этим уклад жизни в семье Островских отличался от прочих замоскворецких поселенцев: Николай Фёдорович Островский любил книги, начал их собирать, как только позволили средства.

К двенадцати годам Саша Островский «по-российски читать и писать умел и первые четыре правила арифметики знал» и оказался достойным поступить в третий класс Московской губернской гимназии. К этому времени обстановка в доме Островских изменилась. Когда Саше было 9 лет, умерла его мать, Любовь Ивановна, вскоре Николай Фёдорович женился на Эмили Андреевне фон Тесин, принадлежавшей к оскудевшему дворянскому роду. Молодая мачеха вряд ли оказала на Сашу заметное влияние. Однако по тяге своей к дворянскому обиходу Эмилия Андреевна приглашала к детям домашних учителей – учить языкам и музыке. В языках Саша не преуспел - не дружил с ними ещё в гимназии, а вот с учителем музыки занимался охотно, он научился читать ноты, подбирал на фортепиано и записывал мелодии. Словом, детство как детство, не слишком золотое, но и не беспросветно-несчастливое. Что же заставило Сашу о детстве затем и не вспоминать? Может быть то, что по натуре Саша Островский был человеком слишком самобытным. Там, где все выбирали из двух предложенных решений, он предлагал своё – беззаконное и неоспоримое своей очевидностью. Так, видимо, было в детстве, так было и затем, в драматургии. Косный замоскворецкий быт, семейный уклад, гимназическая муштра, - всё это было слишком тесным для него. Вырвался из этой среды человек - и забыл.

Вырваться, правда, удалось не сразу. После гимназии Саша, ощутивший уже жажду сочинительства, собирался на историко-филологический факультет Московского университета, но под давлением отца поступил на юридический. Он покинул его через два года, чтобы стать первым русским драматургом поистине мирового масштаба.

А что же малая родина? Всё дело в том, что Островские родом из костромской земли. В селе Остров Нерехтского района, по преданию, жили его предки. (По другой версии Островские – выходцы из Солигалича).

Драматург всегда был большим патриотом Костромы. Его тянуло на землю отцов, и не зря, когда Николай Фёдорович Островский приобрёл Костромское имение Щелыково, сын полюбил ездить туда на лето, а после смерти отца выкупил имение у мачехи, сделал его своим постоянным летним домом и стал не по семейному преданию только, но и по роду жизни костромичом.

©Сычева Любовь Евгеньевна, главный библиотекарь